

— Готово. — Не заботясь о том, верит ли ему Чи Мянью, Юнь Шу раскинул руки, слегка склонил голову и с естественной улыбкой добавил: — Отнеси меня в ванную.

— И еще, — уголки его губ медленно поползли вверх, принимая странное очертание, а взгляд, мягкий, но липкий, пронзил насквозь, — любопытство сгубило кошку. Не спрашивай того, о чем не следует.

— Иначе, — он понизил голос, — умрешь очень мучительно.

Первые лучи утреннего солнца лениво пробивались сквозь незашторенные окна в пол. Минималистичный интерьер заливало золотистым светом — тепло, уютно, жизнеутверждающе.

Впрочем, этот утренний настрой совершенно не коснулся юноши, спавшего на диване.

Слушая непрекращающийся звон будильника, Чи Мянью, морщась от резкого света, нащупывал рукой телефон, который невесть куда задевал накануне вечером. Как только пальцы коснулись гаджета, будильник умолк.

Раздражает.

Чи Мянью медленно поднялся, сел на диване, скрестив ноги, и опустил голову. От него исходила густая аура безнадежности.

— Система.

Система вышла на связь: — Что случилось?

— Можно сегодня не идти в школу?

Система: — Нельзя.

Чи Мянью: — ...

Как же устал, как же раздражает, как же хочется помереть.

Чи Мянью, шатаясь, словно ходячий мертвец, побрел в свою спальню, где прошлой ночью кто-то нагло захватил власть. Нужно было взять чистую куртку: та, что была на нем вчера, оказалась испачкана этим ходячим недоразумением и до сих пор не была постирана.

Прикрыв глаза, Чи Мянь подошел к двери и толкнул ее. Система не успела подать сигнал, и дверь с грохотом распахнулась.

Система: — Юнь Шу...

Словно зная, что хочет сказать система, Чи Мянь, не поднимая головы, вяло отозвался: — Его здесь нет.

Система: — Хм? Куда он делся?

— Ушел, наверное, — Чи Мянь, опустив взгляд, рылся в шкафу, не придавая этому значения.

— Когда?

— Не знаю.

Система недоумевала: — Тогда откуда ты знаешь, что его нет?

— Потому что... — Чи Мянь растянул слова, зевая от сонливости, — с тех пор как он вошел, в комнате стоял густой, приторный аромат. Теперь он исчез.

Аромат был приятным, но слишком навязчивым — от такого запаха начинала кружиться голова.

Чи Мянь проворчал: — Неужели парню обязательно пользоваться такими тяжелыми духами?

Этот запах преследовал его с того самого момента, как он обнял Юнь Шу, словно он исходил из самой глубины его костей.

— Пропитался насквозь.

Система: — ...На самом деле, это не духи.

Чи Мянь удивился: — А что тогда?

— Это запах его крови.

Чи Мянь: — ...

У него уже не было сил возмущаться странными настройками этого мира.

— Правда, — словно боясь, что Чи Мянью не поверит, продолжила система, — в следующий раз можешь принюхаться поближе. К тому же его кровь сладкая, а плоть обладает регенерирующими свойствами. Можешь попробовать.

Чи Мянью улыбнулся: — Спасибо, не надо.

Где ему взять смелости грызть чью-то плоть и пить кровь? Жить надоело?

— Ладно, закрой глаза, я переодеваюсь.

Система: — ...Ой.

Переодевшись, Чи Мянью медленно собирал рюкзак. Вспомнив совет системы, он не удержался от комментария: — Он что, Танский монах? Иначе почему он такой притягательный, а его плоть обладает такими чудесными свойствами?

Система: — Нет.

— А, ну да, — не дожидаясь ответа, Чи Мянью пробормотал: — Ему до слабости Танского монаха далеко. Ладно, пошли в школу.

Когда Чи Мянью вбежал в класс в последнюю минуту, вместо обсуждения уроков он услышал лишь сплошное: Юнь Шу то, Юнь Шу сё...

Фанатизм, достойный сталкеров.

Чи Мянью: — ...

Наваждение какое-то.

Он устало вздохнул, но не ушел, а с трудом пробрался сквозь толпу к своему месту. Не успел он подумать о том, что опять стряслось с этим Юнь Шу, как к нему подскочил бывший сосед по комнате Пан Суй, то есть толстячок.

— Эй, эй! — Толстячок хотел было хлопнуть Чи Мянью по плечу, но, вспомнив вчерашнюю странную реакцию, решил ограничиться ударом по парте: — Что за дела? Ты что, надел небесную одежду из пятицветных колючек? Теперь к тебе вообще прикоснуться нельзя?

Чи Мянью улыбнулся, но промолчал.

Не обращая внимания на его молчание, толстячок помрачнел: — Ты знаешь, что Юнь Шу сегодня снова не пришел? Почему? Это же единственный урок за день! И мы снова его не увидим... Даже думать не хочу, как пережить этот день.

Чи Мянью: — ...

Он скосил глаза: — Не пришел? Урок же только начался, может, еще придет.

— Нет, — толстячок шмыгнул носом, его взгляд выражал глубокую скорбь, — в прошлый раз это было исключением. Обычно, если он не появляется к звонку, значит, на этом уроке его не будет вовсе.

Чи Мянью равнодушно отозвался: — О, вот как.

Услышав это, толстячок резко повернулся, прищурился и принялся подозрительно разглядывать Чи Мянью. Спустя мгновение он спросил: — Слушай, а чего ты не грустишь? Что-то с тобой не так!

Чи Мянью закусил губу, слегка опустил голову и ответил подавленным тоном: — Я тоже очень грущу, просто не хочу показывать.

Толстячок понимающе кивнул и воскликнул с воодушевлением: — Ничего, я понимаю, я все понимаю! Нужно быть сильными! Мы должны мужественно жить даже в те дни, когда Юнь Шу нет рядом!

Чи Мянью посмотрел на него странным взглядом: — ...И он поверил?

Система, которая тоже не знала, что думать об этом недалеком толстяке, добавила: — ...Нет, ну серьезно, ты правда поверил в эту халтурную актерскую игру?

Хотя Чи Мянью не понимал, почему Юнь Шу, ушедший так рано, не явился в школу, его это не особо волновало. Не пришел — и ладно, не помрет.

Система тоже не возражала против такой позиции: главная сюжетная линия сегодня не затрагивалась, так что было неважно, где он.

Так, в отсутствие Юнь Шу, Чи Мянью спокойно и безмятежно провел этот прекрасный день.

День второй.

В отличие от вчерашней шумной, но нормальной атмосферы, сегодня одноклассники выглядели странно: все были злые, раздраженные, словно наглотались пороха, и лица их пылали гневом.

Чи Мянью, только бросивший сумку на парту: — ?

Он вяло позвал систему: — Что случилось?

Не дожидаясь ответа системы, толстячок, чьи глаза покраснели от ярости, выпалил: — Проклятый Шэнь Янь! Как он посмел ранить Юнь Шу? Как на этом идеальном, безупречном лице могла появиться рана! Этот Шэнь Янь заслуживает смерти десять тысяч раз! Он отправится в ад! Дьявол с живого спустит с него шкуру!

Автоматически отфильтровав все эти нелепые проклятия, Чи Мянью нахмурился: — Шэнь Янь? Ранил Юнь Шу?

Толстячок яростно закивал: — Проклятый Шэнь Янь! Юнь Шу когда-то по доброте душевной помог ему, а он, неблагодарная тварь, обернулся и ранил его!

Не задумываясь о том, как при такой конституции Юнь Шу на его лице вообще могла остаться рана, Чи Мянью спросил: — Ты сказал, Юнь Шу помог ему? Что произошло?

Толстячок в гневе воскликнул: — Ты, наверное, не знаешь, но раньше Шэнь Яня из-за его высокомерного вида часто травили местные мажоры. Если бы Юнь Шу не вмешался и не заступился за него, его бы давно вышвырнули из школы!

Толстячок был в таком возбуждении, что брызгал слюной: — А я еще жалел его! Тьфу! Видимо, я был слеп!

Чи Мянью незаметно отстранился и отступил на пару шагов: — ...

Пока толстячок рядом с Чи Мянью негодовал, вокруг Юнь Шу тоже кипели страсти.

— Никогда бы не подумал, что Шэнь Янь, который казался таким прилежным учеником, на такое способен! Поднять нож на одноклассника, особенно на Юнь Шу, который ему помогал!

— Собака лает на того, кто ее кормит! Такие люди должны гореть в аду!

Юнь Шу лениво сидел на своем месте, подперев подбородок рукой. Его взгляд был

равнодушным, но в нем проскальзывало удовлетворение, пока он наблюдал за разъяренными одноклассниками.

Насладившись зрелищем, он тихо произнес, и в его голосе зазвучала невыразимая печаль: — Я тоже не ожидал, что Шэнь Янь окажется таким человеком...

Юнь Шу опустил длинные ресницы и коснулся пальцем кровавой полоски на щеке. Его лисьи глаза, слегка приподнятые и манящие, сейчас были опущены: — У нас с ним не было никаких обид. Я просто встретил его вчера и поздоровался.

Выражение лица Юнь Шу было обиженным, а темная полоска крови на бледной коже не портила его красоты, а лишь добавляла хрупкости: — Кто же знал, что он внезапно выхватит нож и порежет мне лицо...

Одноклассники, жалея Юнь Шу, проклинали неблагодарную тварь: — Удивительно, как такой приличный с виду парень мог совершить такой мерзкий поступок!

— Еще и нож пустил в ход, фу! — брезгливо заметил кто-то. — Неудивительно, что он из низов.

— Нищеврод он и есть нищеврод, от него вечно пахнет бедностью.

— И не говори, вечно строил из себя отличника и смотрел на нас свысока.

— Тьфу! Еще и смеет смотреть на нас свысока? Да мы еще были к нему добры!

— Я считаю, мы его слишком мало учили жизни! Особенно после того, как он ранил Юнь Шу, его нужно проучить как следует!

В небольшом помещении витала атмосфера негатива. Юнь Шу сидел в стороне, с интересом наблюдая, как толпа с пеной у рта прокликает обидчика.

Забавно.

Стоит подкинуть им одну фразу, как они сами додумают целую драму. Теории заговора, логические выводы, злоба...

Люди — существа интересные, но скучные.

Насмотревшись на эту сцену, Юнь Шу зевнул. Разбираться с этими подделками — такая морока.

Увидев, что эмоции толпы достигли пика, Юнь Шу медленно поднял глаза. В его темных, бездонных зрачках отражались одноклассники. Уголок глаза, где притаилась маленькая красная родинка, казался живым — манящим и опасным. Он тихо произнес, и в его голосе слышалось едва уловимое искушение:

— Я верю, что вы мне поможете.

— Поможете мне... отомстить.

Взгляды одноклассников в тот момент, когда они встретились с глазами Юнь Шу, стали стеклянными. По мере того как он говорил, они бездумно, механически повторяли его последние слова.

— Да... отомстить... отомстить... точно, отомстить...

Ха.

Глядя на этих людей, лишившихся рассудка, Юнь Шу не удержался и тихо рассмеялся. В его глазах читались неприкрытое высокомерие и триумф.

Цц, люди — такие глупые существа.

Наблюдая за этой шумной толпой, готовой вершить расправу, Чи Мянью почувствовал скуку. Особенно после того, как увидел довольную улыбку Юнь Шу.

У него не было ни малейшего желания участвовать в этой мести.

Когда Юнь Шу, не спеша, последовал за толпой, система поторопила: — Иди за ними.

Чи Мянью, сонно прикрыв глаза, вяло отозвался: — Нет. Скучно.

Система: — Это часть сюжета, вы должны быть там.

Чи Мянью замер: — Один из ключевых сюжетов, Гнев? Неужели это как-то связано с Шэнь Янем?

Система: — Да.

Чи Мянью: — Тогда почему при первой встрече с ним не было подсказки?

Система объяснила: — Из-за разрушения мира мы можем гарантировать порядок событий, но не можем предсказать появление важных персонажей. Поэтому, чтобы не мешать суждению, мы подаем сигнал только тогда, когда эмоциональные колебания персонажей превышают порог.

Боясь, что Чи Мянью не поверит, система добавила: — Например, Шэнь Янь в событии Гнев — это Гнев после первого сброса, а не после второго.

Чи Мянью мрачно произнес: — Понятно. Значит, раз он — Гнев, и в прошлый раз, когда он встретил Юнь Шу, тот был после воскрешения, а теперь Юнь Шу снова его донимает... Если судить по буквальному смыслу, это Шэнь Янь в порыве гнева убил Юнь Шу?

Система: — Да.

Чи Мянью улыбнулся, решив плыть по течению: — Хорошо, тогда я могу просто лечь и ждать следующего сюжетного поворота.

Система: — ??? Нет, вам нужно следовать за сюжетом, знать все причины и следствия. Только так можно выяснить причину разрушения книги и решить проблему.

Чи Мянью: — ...Он так и знал.

Вздыхнув, он неохотно побрел следом за толпой, которая уже почти потеряла остатки разума. Жизнь — штука непростая.

С той дождливой ночи, когда в порыве эмоций он зарезал человека в переулке, Шэнь Янь был сам не свой. Его нервы были на пределе, любой шорох приводил его в ужас.

Сначала он боялся, что придет полиция — в конце концов, он не был мастером сокрытия следов. В состоянии аффекта он додумался расчленить тело и выбросить его, и это было еще неплохо.

Но странно: прошел целый день, он дрожал в школе, но не слышал ни слова о смерти Юнь Шу, и полиция не приходила.

Хотя это было странно, он заставлял себя не думать об этом.

Лишь бы не нашли его, лишь бы не узнали, что это он. Ему еще нужно поступать в магистратуру, найти хорошую работу, он не может подвести бабушку, которая возлагала на него надежды...

Ведь это Юнь Шу заслужил смерть! Это он начал провоцировать и угрожать! Это все вина Юнь Шу! Он не хотел!

Если бы Юнь Шу согласился не распространять те фотографии, он бы его не убил! Почему он не согласился?!

Это вина Юнь Шу! Все из-за него! Нельзя давать надежду, а потом растаптывать ее! Нельзя обращаться с ним как с собакой!

Ведь он так его любил! Как он мог так поступить?!

Думая об этом, Шэнь Янь снова приходил в возбуждение. Да, да... это не его вина...

Все виноват этот Юнь Шу, эта дрянь! Почему он его не любил? Он же так его любил!

Шэнь Янь стоял на коленях в пустой церкви, глядя на распятого Христа со смиренным и добрым лицом. Он бормотал: — Я прав, я прав, Господь защитит меня, обязательно защитит. Я не виноват, это все Юнь Шу! Все зло — от него! Он монстр! Дьявол! Это все его вина...

Глаза Шэнь Яня налились кровью, лицо исказилось. Злоба сделала его лицо уродливым.

Говоря о Юнь Шу, он не мог не вспомнить ту ночь.

Дождь был сильным и холодным. Когда он душил Юнь Шу, прижав к стене, тот сохранял невозмутимый вид, словно ни во что его не ставил. Даже перед лицом смерти, почему он был таким высокомерным?! Почему?!

— Ха-ха-ха... ха... — Шэнь Янь смотрел на свои руки и нервно смеялся: — Так тебе и надо... ты заслужил...

Глядя на свои руки, он словно чувствовал скользкую кожу Юнь Шу и тепло его крови, брызнувшей на него...

Проклятье... проклятье...

Почему, даже когда он отрубил ему конечности, тот продолжал смотреть с презрением? Почему не молил о пощаде?!

Вспоминая, как Юнь Шу смотрел на него, пока он отсекал ему руки и ноги, Шэнь Янь не мог сдержать ярости. Она жгла его сердце и кости.

Когда Шэнь Янь наносил удар за ударом, Юнь Шу не испытывал ни гнева, ни страха. Он просто смеялся, глядя на этого обезумевшего отличника с презрением.

Спустя время ему стало даже скучно.

Он видел слишком много подобного, даже боль от смерти не вызывала у него интереса.

Видя, что Шэнь Янь впал в безумие, Юнь Шу усмехнулся: — Посмотри, какая ты жалкая собака.

— Такая слабая воля? Ты же говорил, что любишь меня? Вот так ты меня любишь?

— Посмотрел бы в зеркало, что ты такое, чтобы смеять любить меня?

— Тошнит от тебя. — Видя, что Шэнь Янь тяжело дышит, а его глаза налиты кровью, Юнь Шу внезапно почувствовал, что все это не имеет смысла.

Его темные, липкие глаза были холодны, слова пропитаны ядом, но тон оставался мягким: — С самой первой встречи ты вызывал у меня отвращение.

— Шпион? Еще противнее то, что ты использовал эти фото для личной выгоды. Правда, это так... про-тив-но.

— Нет! Нет! Я не такой! Заткнись! Заткнись!!! — После этих слов Шэнь Янь, словно обезумев, поднял тесак и начал яростно, безумно кромсать того, кто прижался к стене.

В его глазах не осталось любви — только густая ненависть и безграничный гнев.

Ярость полностью поглотила его остатки разума.

— Бах, бах, бах...

Звуки эхом отдавались в тихом переулке.

Кровь брызгала во все стороны, кусочки плоти и костей падали на грязную, смешанную с дождем землю.

В этом тихом, безлюдном переулке, кроме шума дождя, слышались лишь звуки разрубаемого мяса.

Долгое время спустя, когда Шэнь Янь немного пришел в себя, он увидел перед собой море крови, разбросанные конечности и лицо Юнь Шу, превращенное в кровавое месиво.

Юнь Шу лежал, словно выброшенная кукла из мастерской — растерзанный, изуродованный.

На лице, в котором едва можно было узнать человека, темные, безжизненные глаза смотрели прямо на убийцу. В них застыла ненависть, а окровавленные губы растянулись в странной, пугающей улыбке.

Словно говоря: жди, жди, твоя очередь скоро настанет.

Не спеши.

Ха, ха, ха-ха, ха-ха-ха...

<http://bllate.org/book/21484/2198771>